

ВАЛЕНТИН РАХМАНИН

Б. М. БЕРНАДИНЕР: ИМПЕРАТИВ ВЫБОРА

Профессор, доктор философских наук Бер Моисеевич Бернадинер¹ – значимый представитель того поколения профессорско-преподавательского состава, которое начало формироваться до Великой Отечественной войны и сыграло исключительную роль в спасении, восстановлении и развитии нашего университета, в подготовке его научно-педагогических кадров в 1950–1960-х годах, в создании традиций.

На долю этого поколения выпало трагическое и конфликтное новаторское время тридцатых годов, пороховых сороковых, трудных восстановительных пятидесятых, острый стресс переосмысления роли и личности Сталина, развёртывания холодной войны и движения за мир во всём мире, роста авторитета Советского Союза. Поколение Б. М. Бернадинера (условно, для текстового обихода назову его так) не только жило в то время, оно – его соучастник, взаимозависимый объект и субъект его. Время творило его. И оно творило это историческое время.

Известна философская формула: «Моя личность есть "Я" и мои обстоятельства». Обстоятельства (исторические и житейские) – это ресурсы, драйверы и потребитель формирования и жизнеде-

ятельности личности. Но каждый индивид потенциально несёт в себе императив выбора. Судьбоносный вопрос в том, как он его использует и удаётся ли использовать.

У Бера (Бориса) Моисеевича был свой потенциальный императив выбора в турбулентно изменяющихся обстоятельствах. Свою личностную идентичность он искал, выбирая и защищая в конфликтных социально-исторических процессах и рискованных обстоятельствах, частная и общественная результативность которых была часто непредсказуема.

Бер Моисеевич Бернадинер родился 30 октября (по старому стилю – 16-го) 1903 года в городе (местечке) Васильков Киевской губернии. Отец его был портным (типичная профессия евреев до революции 1917 года). Некоторое время он занимался мелкой торговлей; после революции – кустарь-одиночка (так записал Борис Моисеевич в своей автобиографии)². Сын Бер учился в высшем (так написано

Бер Моисеевич Бернадинер
(1903–1964)

в автобиографии) начальном училище. С 1917 года по 1920-й – в Коммерческом училище. В 1920-м поступил в Киевский институт народного хозяйства на товароведческое отделение. Сказалось семейное влияние. Молодая советская власть, ещё качаясь на

¹ Это его документированное паспортное имя. В научно-педагогическом и житейском общении его называли Борис Моисеевич. В последующем тексте, говоря о довоенном времени, буду использовать паспортное имя, а в университетский период привычное – Борис Моисеевич.

² Личное дело Бера Моисеевича Бернадинера хранится в архиве ВГУ. Биографические сведения взяты оттуда.

перекатах Гражданской войны, «открыла» для евреев доступ к высшему образованию. Семнадцатилетний сын мелкого торговца и кустика воспользовался этим правом. Ресурсы обстоятельств позволяли самоопределяться в жизни квалифицированным специалистом с высшим образованием.

Крутой поворот жизненного пути и поиска самого себя молодой человек самостоятельно делает в 1923 году. Что-то ведёт его в сторону от коммерции. Он делает рискованный вызов судьбе. Бернадинер уходит из Киевского института народного хозяйства, не окончив товароведческое отделение. Обретение высшего образования по коммерческой специальности определяло конкретную перспективу. Бер отказывается от неё. Более того, он выламывается, если так можно сказать, из привычной для его семьи занятости (отец, напоминая, был мелким торговцем и кустарем-одиночкой) и социальной среды мелкой буржуазии (которая, кстати, получила режим благоприятствования от НЭПа). Отказ от коммерческой специальности и самовольный уход из Киевского института народного хозяйства, естественно, вызвали семейный конфликт. В автобиографии Борис Моисеевич, спустя более четверти века, мотивировал своё решение тем, что не хотел заниматься коммерцией.

Вызов судьбе брошен в кризисных обстоятельствах. Но как заново самоопределился кем быть? Внутренний, пока ещё не осознанный ментальный императив толкал поискать своё призвание (идентичность) в сфере просвещения. В 1923 году Б. Бернадинер вступил и окончил семинар... по антирелигиозной пропаганде при Киевском горкоме ВКП (б). И, будучи беспартийным, стал лектором при Киевском горкоме ВКП (б).

С 1927 по 1929 год был заведующим библиотекой Киевского Краснознамённого завода, продолжал лекторскую просветительскую деятельность. Активность Б. Бернадинера заметили и заводская общественность, и организация коммунистов завода. В 1928 году Б. М. Бернадинер вступил в ряды ВКП (б) по рекомендации рабочих. Тем самым был сделан партийно-политический выбор. Ментально-волевой выбор своей партийно-политической идентичности был сделан в обстановке нарастающих противоречий в ВКП (б) и кризисных тенденций в обществе.

Конец 20-х и начало 30-х годов прошлого века – время крутого поворота в эволюции СССР. Сложные остро конфликтные социально-экономические и политические обстоятельства (отказ от НЭПа, «ударная» индустриализация, коллективизация, раскулачивание, нарастание бюрократического администрирования, идеологическое противоборство

различных группировок в ВКП (б) по проблемам путей и методов общественного развития) таили в себе противоречивые возможности и опасности личного и общественного обустройства жизни. Б. М. Бернадинер решительно и осмысленно делает свой жизненный выбор. В 1929 году он едет в Москву и поступает на философское отделение историко-философского института. Был в то время такой вуз, впоследствии пофакультетно включённый в Московский университет. В нём готовили в основном преподавателей для высшей школы и формирующихся исследовательских структур по общественным наукам. Чем был мотивирован такой выбор? Трудно сказать. Можно предположить: парадоксы реальностей того времени возбуждали пылкий ум к поиску философского осмысления их и определения своего места и позиции.

Судьбоносный выбор, определяющий жизненные перспективы и профессионально-личностную идентичность, сделан. Его необходимо обеспечить личной энергией, волей, способностями. За этим дело не стало. Нужно было овладевать знаниями и философским типом мышления, включаться в профессиональное общение с коллегами, а самое главное – осмысливать объективные обстоятельства, события и субъективное отношение к ним различных людей. В философии в то время ситуация была сложной. Нарастало доминирование марксистской философии диалектического и исторического материализма как обоснование становления социализма и политики ВКП (б). Однако наблюдались разногласия и противоборство между различными группами его идеологических приверженцев и сторонников. Существовало несколько интерпретаций философского наследия К. Маркса. Материалистическая диалектика ещё не была академически систематизирована. До сталинской доктринизации оставалось несколько лет. Обострялась конкуренция вокруг ленинского философского наследия, приобретая характер истребительной политической борьбы.

В этих сквозных обстоятельствах философских суждений и заблуждений, утверждений и ниспровержений, откровений и столкновений формировались интеллект и научная этика, мировоззренческие позиции молодого человека, стремящегося овладеть философской мудростью.

Кстати, замечу, я пишу не биографию Бориса (Бера) Моисеевича Бернадинера. Это – дело будущего. И скорее всего – не моего. Мне хочется выявить процесс формирования и эволюции его как личности, как представителя поколения обществоведов 30–60-х годов прошлого века, специфику его научно-педагогической деятельности в Воронежском государ-

ственном университете, отношение к феноменам и людям того времени. За пределами моего очерка остаются многие стороны его богатой на события и переживания биографии. Мой очерк носит в основном мемуарный характер. Я общался с профессором Б. М. Бернадинером как студент, его аспирант, преподаватель возглавляемой им кафедры диалектического и исторического материализма.

Молодой начинающий философ, насколько можно судить по его фрагментарным устным воспоминаниям, да и последующей практике научной, педагогической и общественной деятельности, осторожно относился к политизированным философским спорам, идеологизированным суждениям. Будучи студентом, он вникал непосредственно в произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, Н. Бухарина. Большое внимание уделял изучению истории философии, концепциям её классиков, главным образом по проблемам общественного развития, концепциям исторического процесса.

Известностью в философском сообществе в начале и в последующие 1930-е годы пользовались работы академика А. М. Деборина³. Вникая в сущность и логику диалектического материализма, студент Бернадинер использовал его учебник «Введение в философию диалектического материализма и естествознание». Знал он и другие произведения известного академика, авторитет которого в начале 1930-х годов был бесспорным. Но во второй половине идеологически невротичного десятилетия его подвергли критике за «меньшевистский идеализм» и недооценку вклада В. И. Ленина в философию. Профессор Б. М. Бернадинер в первой половине 1950-х годов, упоминая о А. М. Деборине и даже о критике в его адрес, никогда не впадал в политизированные оценки и идеологизированные термины и фразы. Для него это было неприемлемым. Академик А. М. Деборин определённо повлиял на формирование у начинающего философа его диалектико-материалистического интереса к естественным наукам, к социально-политическим учениям прошлых эпох. В журнале «Под знаменем марксизма», в редколлегии которого работал академик, была опубликована статья Б. М. Бернадинера о социально-политических взглядах француз-

ских просветителей XVIII века Руссо и Морелли. Да и по другим проблемам он сотрудничал с журналом, но не участвовал в идеологизированных дискуссиях, которые с политическими пристрастиями велись на страницах этого издания по обществоведению.

В 1932 году Бер Моисеевич Бернадинер окончил Московский историко-философский институт. Получил право на преподавание философии в вузах. Был направлен в Воронеж в недавно открывшийся педагогический институт. С 1932 по 1933 год в статусе доцента (учёной степени пока не имел) читал лекции по диалектическому материализму. В 1933–1934 годах заведовал кафедрой диалектического материализма Орловского пединститута. В 1934 году вернулся в Воронеж и до 1935 года работал доцентом медицинского института. Но уже в 1935 году возглавил кафедру диалектического материализма в открывшемся Воронежском институте нархозучёта. Здесь и проработал до 1939 года.

Чем обусловлен такой темп перемен мест работы? Никаких прегрешений ни перед одним из перечисленных вузов не было, хотя в них бурно кипела идейно-политическая и управленческая конфликтность. Причин перемен мест две. Формирующиеся институты не могли обеспечить устойчивую педагогическую занятость из-за малочисленности студентов. Учебный год отработал – и делать больше нечего. Предоставлялась возможность в другом вузе. Сказывалась и бытовая, прежде всего жилищная, неустроенность. Б. М. Бернадинер с женой ещё не обросли имуществом, были легки на подъём; чемодан, портфель в руку – и в другой вуз, даже город. При всём при этом молодой (30–35 лет) преподаватель, готовя и читая лекционные курсы, активно ведёт научные исследования, публикует статьи и даже монографию в столичных изданиях.

В 1939 году Бер Моисеевич назначается заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Воронежского государственного университета и остаётся в нём, с перерывом на участие в Великой Отечественной войне, навсегда. В университет он пришёл, как говорится, остепенённым. По представлению Воронежского института нархозучёта 17 февраля 1938 года ВАК Всесоюзного комитета по высшей школе удо-

³ В марте 1963 года я шёл в Институт философии АН СССР, где должно было состояться обсуждение текста моей кандидатской диссертации на предмет возможности принять её к защите. В фойе увидел объявление о кончине академика Абрама Моисеевича Деборина. Было часов 10 утра. В конференц-зале на втором этаже устанавливали гроб. Венков ещё не было. У изголовья стоял профессор П. Г. Богатырёв (лучший переводчик эпопеи Я. Гашека о похождениях Швейка и глубоко эрудированный доктор филологии, когда-то читавший нам в ВГУ лекции по чешской литературе и славянском фольклоре). Я прошёл к гробу. Пётр Григорьевич спросил, знал ли я академика, ответил, что знал его по рассказам моего научного руководителя профессора Б. М. Бернадинера. Петр Григорьевич грустно заметил: «Уходят мудрые философы». Приехав в Воронеж, я намеревался рассказать Борису Моисеевичу о прощаниях в последний путь академика А. М. Деборина. Кафедральные коллеги отсоветовали. Профессор Б. М. Бернадинер был тяжело болен, и скорбное известие могло отрицательно сказаться на состоянии его здоровья.

стоил Бера Моисеевича Бернадинера учёной степени кандидата философских наук. Без защиты диссертации, по совокупности и результатам научно-педагогической деятельности. Научную поддержку такому представлению оказала хорошо известная и авторитетная в академических и вузовских структурах Людмила Исааковна Аксельрод. Б. М. Бернадинер, еще будучи студентом, и в последующие годы слушал её лекции и доклады. Непосредственно в историко-философском институте она никаких курсов не вела, но была возможность слушать её лекции и доклады в других вузах и научных учреждениях. Её монография «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса» (1934) была хорошо известна. Но...

И это «но» сформировало в психологии и научной этике Б. М. Бернадинера специфический комплекс. Л. И. Аксельрод⁴ ещё в 1920-х годах стала лидером так называемых механистов. Она и её сторонники подвергали марксистскую философию «механистическому ревизионизму», отрицая диалектику как теорию познания, критически оценивали главную философскую книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В философских политически акцентированных дискуссиях Л. И. Аксельрод и «механисты» подвергались критике, особенно в январском (1930) решении ЦК ВКП (б). Во второй половине 1930-х годов вновь разгорелись идеологические страсти вокруг трактовки марксистской философии и её «ленинского этапа». Они захватили и Воронежский университет⁵. Ректору И. П. Подволоцкому пришлось доказывать, что он не является сторонником «меньшевистствующего идеализма» Деборина и «механистического ревизионизма» Аксельрод. Впоследствии его обвинили без аргументированных доказательств в причастности к троцкистско-зиновьевскому блоку и расстреляли. Борис Моисеевич обо всём этом знал. И не упоминал о своих научных связях с Л. И. Аксельрод и А. М. Дебориным. Это было опасно. Он был предельно осторожен и в идеологизированных дискуссиях не участвовал. Сложившийся в его психологии и философской этике комплекс осторожности и уклонения от идеологизированных оценок, терминов, штампов устойчиво держался в нём и впредь. Но он был заинтересован в философских дискуссиях по проблемам науки и с позиций науки.

Между прочим, когда Б. М. Бернадинер работал в институте нархозучёта, в Воронеже отбывал

сталинскую ссылку Осип Манделъштам. На квартире Натальи Евгеньевны Штемпель собирались любители поэзии, среди них и молодые преподаватели вузов. Философ Б. М. Бернадинер не посещал этот своеобразный поэтический салон, хотя его приглашали. Из-за опасения быть замеченным в общении с опальным поэтом. Или, быть может, не знал стихов О. Манделъштама. Или считал, что на такие групповые беседы не стоит тратить своё научно-педагогическое время. В многолетнем общении с ним я не заметил у него пристрастия к поэзии, в отличие от театра, музыки.

Когда вникаешь в историю ВГУ 30-х годов прошлого столетия, складывается устойчивое неприятное впечатление: руководство и профессорско-преподавательский персонал (и отчасти студенчество) были озабочены не столько проблемами совершенствования учебного процесса, научных исследований, сколько тем, как не стать обвинённым в каких-либо уклонах и самому не начать обвинять своих коллег. Идеологическое и политическое доноительство стало почти нормой. Многие оказались жертвами невротических обвинений и репрессий⁶. Борис Моисеевич Бернадинер ни на кого не доносил, и его идеологически и политически никто не обвинял, в отличие от других обществоведов (П. Ф. Сапожникова, И. П. Подволоцкого, А. Я. Норина, А. Н. Татарчукова и др.).

Переживая перипетии и жертвы идеологизированной и политизированной невротики, философ Б. М. Бернадинер выработал свой устойчивый психологический и этический комплекс выдержки, осторожности, инстинкта выживания в конфликтах. И вместе с тем императив нравственной порядочности не обвинять других. Это не значит, будто он жил, «добру и злу внимая равнодушно».

В свои тридцать лет выпускник историко-философского института стал одним из первых философов СССР, кто начал противоборство с античеловеческой идеологией немецкого фашизма. В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне нелишне заметить, что борьбу с величайшим злом XX века начали не западноевропейские политические элиты, а коммунисты. И среди них – Б. М. Бернадинер. Вначале с философской критикой идеологии фашизма, а несколько лет спустя – критикой оружием. Через год после прихода Гитлера к власти в Москве вышла книга Б. М. Бернадинера «Философия Ницше и фашизм» («Союзкнига», 1934). Пока запад-

⁴ Кстати, В. И. Ленин критически отзывался о ней в нескольких философских и политических публикациях.

⁵ См. об этом: Карпачёв М. Д. Воронежский университет: веки истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2013. С. 238–243.

⁶ См.: там же. С. 224–315.

ноевропейские политики-демократы маневренно отступали перед фашизмом, пытаясь его умиротворять, молодой философ-коммунист Б. М. Бернадинер стремился выяснить мировоззренческие истоки этого всемирного зла и предупредить о его сугубой опасности. Б. М. Бернадинер раскрывал родство нищезанского «человека по ту сторону добра и зла» и «белокурой бестии» нордической расы. В № 7 за 1936 года журнала «Под знаменем марксизма» была опубликована его статья «Демократия и фашизм». С философской критики фашизма доцент Б. М. Бернадинер начал свою работу заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Воронежском университете, выступая с докладами и лекциями перед студентами и сотрудниками, а также перед городской общественностью.

Борис Моисеевич, организуя работу кафедры, активно и плодотворно вёл научные исследования. В 1940 году в Воронеже была издана его монография «Социально-политическая философия Жан Жака Руссо» (10 печ. листов, тираж 2000 экз.). В то время публикация монографий представляла большие трудности даже в Москве. К тому же был острый дефицит бумаги. Особым решением бумагу для книги о французском просветителе XVIII века выделил Воронежский обком ВКП (б)⁷. Это признак высокого авторитета университетского учёного. И внимание областного руководства к науке, к университету.

В философии Ж. Ж. Руссо нового сотрудника ВГУ привлекали концепция общественного договора, идеи гуманиста о несправедливости угнетения народа государственной властью, о праве народа на свержение такой власти, о демократии общественного самоуправления. Замечу, это писалось не в 90-х, а в 30-х годах минувшего века. Был опубликован ряд статей в столичных изданиях. Б. М. Бернадинер начал работу над докторской диссертацией, намереваясь выйти на защиту в ближайшие годы. Но 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Началась долгая Великая Отечественная война. Перспективному учёному пришлось перейти от философской критики фашизма к критике оружием.

В первые недели войны Борис Моисеевич подготовил брошюру «Фашизм – режим террора и насилия», изданную в 1941 году Воронежским книгоиздательством. И добровольно вместе с другими сотрудниками Воронежского университета ушёл в действующую армию. Его фронтовая жизнь в основном проходила в 3-й Ударной армии, перед

которой в мае 1945 года пал Берлин. Во время войныгодились и обширные знания Б. М. Бернадинера, и философская критика фашизма, и талант педагога, и хорошее владение немецким языком. Вначале он был журналистом «Полевой газеты»; с августа 1942 года – инструктор, старший инструктор политотдела 3-й Ударной армии. После капитуляции фашистской Германии, с июня по сентябрь 1945 года – старший инструктор политотдела Управления советской военной администрации в Саксонии. В сентябре его назначили ответственным референтом политического советника при главном начальствующем советской военной администрацией в Германии. 28 октября майора Б. М. Бернадинера назначили ответственным референтом отдела пропаганды советской администрации в Германии. 6 ноября 1945 года демобилизован⁸. Борис Моисеевич был награждён боевыми орденами и медалями: орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степеней. Гордился медалью «За взятие Берлина». В послевоенное время был отмечен орденом «Знак Почёта» за выслугу лет: в 1953 году у него был полувековой юбилей.

После демобилизации из армии Б. М. Бернадинер был направлен Всесоюзным комитетом по высшей школе заведующим кафедрой диалектического и исторического материализма в Воронежский государственный университет, т. е. на прежнее место работы, откуда он добровольцем в ноябре 1941 года ушёл на фронт. Соответствующий приказ ректора Н. П. Латышева (демобилизованного несколько раньше) последовал 21 декабря 1945 года. В этой должности и учёном звании и. о. профессора Б. М. Бернадинер сменил М. К. Афанасьева.

Возвращение к мирной научно-педагогической работе, вернее её восстановление, оказалось трудным и напряжённым процессом. Корпуса, кафедры, лаборатории, научно-учебное оборудование, богатая библиотека, общежития университета были взорваны и разграблены немецко-фашистскими «организаторами нового порядка». Все факультеты и ректорат размещались в наспех восстановленном бывшем корпусе пединститута по проспекту Революции, 24 (в «красном корпусе», как его нарекли). Острой была нехватка научно-педагогических кадров, а особенно тяжёлой – жилищная проблема и для сотрудников, и для студентов.

Необходимо было всё восстанавливать, а самое главное – себя как вузовского педагога, организатора образовательного процесса, учёного. Проблема

⁷ См.: Карпачёв М. Д. Воронежский университет: веки истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2013. С. 334.

⁸ Сведения взяты из автобиографии Б. М. Бернадинера, хранящейся в архиве ВГУ.

В колонне демонстрантов. В первом ряду (справа налево) – проректор по научной работе В. Я. Рогов, зав. кафедрой диалектического материализма Б. М. Бернадинер, зав. кафедрой марксизма-ленинизма В. С. Гончаров

профессионального восстановления себя как личности не сводилась к установлению соответствующей должности. Её психологическую и нравственную напряжённость испытывали все преподаватели, вернувшиеся в университет после четырёх лет тяжёлой войны.

Борис Моисеевич энергично реанимировал и актуализировал свою философскую эрудицию, философский тип мышления и осмысления онтологических и гносеологических феноменов и проблем. Разрабатывал лекционные курсы, определял направления и ресурсы научных исследований, восстанавливал связи в философском сообществе и устанавливал новые, помогал коллегам по кафедре. Он заложил основы и структуру подготовки научно-педагогических специалистов по философии в Воронежском университете. Учитывая его довоенные успехи в философских исследованиях и десятилетний педагогический опыт, Министерство высшего образования СССР дало ему право научного руководства аспирантами по философии.

Появились и аспиранты. Все они не имели философского высшего образования, что для научного руководителя создавало некоторые сложности, но открывало возможности философски анализировать и обобщать гносеологический опыт и проблемы естественных и гуманитарных наук. Это впоследствии стало традицией в Воронежском университете. Аспирантами прежде всего стали выпускники ВГУ 1941 года, которые четыре года тому назад вместе со своими преподавателями добровольно уходили на фронт и прошли боевыми дорогами войны: Иван Смольянинов (филолог) и Ирина Богачёва (физик). Ирина Ефремовна оставила интересные

воспоминания «Дороги жизни. Воспоминания и размышления фронтовой медсестры». После войны долго искала, кем и как быть. Одно время учительствовала, но мечтала вернуться в ВГУ. В 1947 году пошла на приём к ректору Н. П. Латышеву с просьбой о работе. Николай Петрович, бывший комиссар Воронежского добровольческого коммунистического полка, выслушал её и предложил поступить в аспирантуру. Удивилась. Но всё же пошла на приём к профессору-физику (легендарная личность ВГУ!) М. А. Левитской. Та выслушала «холодно, спокойно, почти безразлично». Ирина стала готовиться к вступительным экзаменам и «ощутила полную беспомощность». Знания физики растерялись во фронтовых госпиталях. Пришлось отказаться от перспективы стать учёным-физиком. В 1948 году узнала от друзей об открывшейся аспирантуре по диалектическому и историческому материализму. Решила попробовать. Встретилась с зав. кафедрой Б. М. Бернадинером. Он выслушал «с интересом и, как мне показалось, с симпатией, выразил согласие на сдачу экзаменов, дал некоторые советы, программу экзамена»⁹. Ирина Богачёва – человек волевой, – преодолев все трудности, выдержала экзамен (конкурс 8 человек на 2 места). Заметила, что сдала только чуть хуже Ивана Смольянинова (у него было преимущество: фронтовик окончил университет по полной программе филологической специальности уже после войны). Однако не заметила, что Борис Моисеевич внимательно относился к фронтовикам-добровольцам. Он понимал, как тяжело восстановить полученные четыре года назад научные знания. И. Е. Богачёва, защитив диссертацию, много лет работала на кафедре философии ВГУ, ведя курс

⁹ См.: Богачёва И. Е. Дороги жизни. Воспоминания и размышления военной медсестры. Воронеж, 2001. С. 77–79.

диалектического материализма на естественно-научных факультетах. Иван Смольянинов уехал в Ленинград, в 1966 году защитил докторскую диссертацию.

До Великой Отечественной войны Борис Моисеевич в большей мере работал над вопросами истории философии. Главным образом французской (просветители XVIII века). В довоенных списках публикаций статей по диалектическому материализму не числилось. Истматовская проблематика только начала пробиваться (роль народных масс в истории). Лекционный курс, который он вёл в ВГУ в 1950-х годах, – «История философии». Но большинство его аспирантов готовили и защищали диссертации по философским вопросам естественных и гуманитарных наук. По сути, Б. М. Бернадинер – инициатор и основоположник исследования философских проблем науки, главным образом естествознания, в ВГУ. Ещё в конце 1940-х годов он создал постоянно и регулярно действующий семинар учёных в этом направлении. Ежемесячно учёные разных факультетов делали соответствующие доклады, обменивались мнениями, дискутировали, часто довольно горячо, но без идеологизированных суждений. Мне памятно в 1950-х годах доклады биологов: членкора АН СССР Б. М. Козо-Полянского, профессора Н. И. Журавлёва, доцента А. И. Лакомкина, геологов: доцентов М. С. Точилина, И. Я. Фурмана, химиков: профессоров Р. Э. Неймана, А. Я. Шаталова, физика профессора Л. П. Раппопорта и др. Выступали на семинаре и приезжающие из Москвы учёные. Докладывали о своих исследованиях и аспиранты. В 1951–1953 годах, ещё будучи студентом, а потом и аспирантом, я посещал бернадинеровский семинар учёных, это мне много дало в приобщении к университетской культуре мышления и общения.

Семинар пользовался авторитетом в профессорско-преподавательской среде. Он удовлетворял внутреннюю потребность учёных разных наук и направлений обменяться не только методологическим опытом, но своими суждениями, сомнениями, возможностями междисциплинарных исследований. Ценило работу философского семинара и руководство ВГУ, Воронежской области. В личном деле Б. М. Бернадинера сохранились выписки из приказа ректора Н. П. Латышева с благодарностью и. о. профессора Б. М. Бернадинеру за плодотворную работу философского семинара учёных.

К исходу 1940-х годов всё более насущным для Бориса Моисеевича стал вопрос о самоопределении собственных научных исследований и повышении

квалификационного статуса. По инициативе ректората учёный совет университета, учитывая научно-педагогические заслуги, решил ходатайствовать перед ВАК о присвоении Б. М. Бернадинеру учёного звания профессора¹⁰ (в штатном расписании он числился и. о. профессора). Такая практика присуждения учёной степени кандидата, доктора наук без защиты соответствующей диссертации в то время существовала. Ею не злоупотребляли, в отличие от того, что стало в постсоветское время. В 1938 году Б. М. Бернадинер был удостоен учёной степени кандидата философских наук по совокупности опубликованных результатов исследований и педагогической работы. Однако на этот раз ВАК при Министерстве высшего образования представление Воронежского университета отклонил¹¹.

Такое решение ВАК, конечно, огорчило Бориса Моисеевича, но не обескуражило, а побудило к энергичной и целеустремлённой работе над докторской диссертацией. Темой диссертационного исследования он избрал проблему народных масс в истории. Она была сформулирована в духе и терминах того времени так: «Марксизм-ленинизм о роли народных масс в развитии общества» (замечу: не в истории вообще, а именно в *развитии* общества). В основе её – анализ и интерпретация произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и, конечно, И. В. Сталина. Но в тексте диссертации (мне удалось её полистать в Государственной библиотеке им. Ленина в 1955 году – уже защищённую) дан довольно обстоятельный и интересный анализ понятия народных масс в истории западной и русской философии.

Для работы над докторской диссертацией Борис Моисеевич не брал никаких творческих отпусков. Он исполнял все возложенные на него обязанности. Читал студентам историко-филологического факультета курс лекций по истории философии, вёл философский семинар для учёных и даже философский кружок для студентов (был такой в начале 1950-х годов).

Тема докторской диссертации шла «по ведомству» истмата. Она несла в себе не только ряд сложных научно-философских и исторических проблем, но и идеологическую нагрузку и эпистемологические ловушки. Но самое, осмелюсь определить, парадоксальное заключалось в том, что выбранная тема стала разрабатываться в разгар нового этапа нарастания культа личности Сталина и бюрократизации государственного управления. Было бы исторической ошибкой объяснять этот процесс только

¹⁰ В личном деле Б. М. Бернадинера хранится выписка из протокола учёного совета ВГУ от 13 сентября 1949 года.

¹¹ Выписка из протокола ВАК при Министерстве высшего образования СССР от 10 декабря 1949 года в личном деле Б. М. Бернадинера.

результатом безудержной пропаганды руководства партии, что действительно, как говорится, имело место быть. В глубинах психологии народных масс сложился комплекс авторитарной веры в спасительную и созидательную роль Сталина. По случаю 70-летия Сталина поэт-лирик М. Исаковский восклицал, вспоминая тяжкое военное время:

*Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

И это было правдой. Парадокс общественного мнения и – глубже – массового сознания заключался в том, что в нём, отнюдь не сталкиваясь, жили два методологически не рефлекслируемых социально-психологических комплекса: вера в решающую роль народа и вера в исключительную роль Сталина. И тот и другой комплексы значительно усилились в ходе и в результате победы в Великой Отечественной войне. Каждый из них опирался на исторические аналоги и интенсивно идеологизировался пропагандистским аппаратом.

Вот в этих ментальных исторических обстоятельствах и работал Б. М. Бернадинер над своей докторской диссертацией. Было бы домыслом полагать, будто он доказывал решающую роль народных масс в общественном развитии по скрытым мотивам философской оппозиции культу Сталина. Философ Б. М. Бернадинер был предельно осторожен в обсуждении любых идеологических и политических феноменов и проблем. Да и вообще на рубеже 40–50-х годов прошлого века такой оппозиции в открытых философских откровениях не было и не могло быть.

Докторская диссертация была защищена 16 ноября 1954 года в институте философии АН СССР. Председательствовал на заседании Совета профессор Ц. А. Степанян¹². Была острая дискуссия, которая закончилась в пользу диссертанта. Тем самым Борис Моисеевич доказал, что, преодолев все трудности, проявив волю, он восстановил своё научное мышление, философский менталитет, подорванные войной. Он обрёл уверенность в своих способностях и перспективах.

Доктор философских наук, профессор Борис Моисеевич Бернадинер был широко и многогранно эрудированным философом. Его мировоззренческой, методологической опорой был диалектиче-

ский и исторический материализм в совокупности с глубокими и обстоятельными познаниями истории философского мышления. Диалектический и исторический материализм, что бы о нём ни говорили сегодня, в своё время был плодотворным методологическим прорывом в познании природы и общества. Идеологическая догматизация его в советское время подорвала его методологический авторитет и эвристический потенциал¹³.

Борис Моисеевич, общаясь с широким кругом представителей разных наук, понимал: познавательный опыт растёт, качественно видоизменяется, обогащается; анализ, обобщение этого опыта, предсказуемых и непредсказуемых сдвигов в обществе – основа творческого развития философии, в том числе и диалектического материализма. Он не раз высказывался на этот счёт в разных вариантах на философском семинаре учёных ВГУ и перед аспирантами. Помню, в беседах с аспирантами он часто ссылаясь на мысль Ф. Энгельса об опасности «заниматься идеологизированием», «заполнять бесчисленное множество пробелов» познания «собственными измышлениями, <...> т. е. иррационально фантазировать»¹⁴. Критикуя теоретиков «истинного социализма», К. Маркс и Ф. Энгельс в своей совместной работе «Немецкая идеология» упрекали их в том, что «они сходят с реальной исторической почвы на почву идеологии»¹⁵. Кстати, замечу, что понятие «развитой социализм», экспрессивно используемое политиками и идеологами КПСС, – типичный образец подмены исторических реалий иррациональной идеологией¹⁶. Авторам этого понятия надо было основательно проштудировать хотя бы «Немецкую идеологию», одно из важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но, увы!..

Предупреждая нас, своих учеников, об опасных соблазнах идеологизации научных понятий и исторических реалий, Борис Моисеевич отнюдь не отрицал роль идей (положительной или отрицательной) в общественном развитии. Идеи, овладевая народными массами, становятся мощным фактором исторического процесса. Идеи социализма, становясь реальностью массового сознания, подняли народ на глубокие перемены общественного и государственного обустройства. Профессор это подчёркивал, читая студентам курс «История философии»¹⁷. Про-

¹² В июне 1963 года он же председательствовал при защите моей кандидатской диссертации, но уже в ранге членкора АН СССР.

¹³ История идеологической догматизации диалектического и исторического материализма и в целом научного наследия К. Маркса (в этом повинен не только Сталин) требует особого исследования.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 20, с. 630.

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 458.

¹⁶ Эту идеологему я подверг критике на кремлёвском совещании обществоведов, созванном ЦК КПСС в октябре 1986 года.

¹⁷ В конце XX века возникли и получили практическое применение технологии имитации массового сознания и манипулирования им в корыстных интересах корпоративных социально-политических группировок.

Преподаватели ВГУ на демонстрации.
Первый ряд (справа налево) – П. Ф. Извеков, С. В. Иванов, С. Н. Бенклиев, Г. Ф. Реутский,
В. С. Гончаров. Б. М. Бернадинер – первый слева во втором ряду. 1948 год

фессор Б. М. Бернадинер был философски убеждён в гуманизме и социальной справедливости того общества, о котором мечтали социал-утописты со времён Томаса Мора и которое стремился научно обосновать К. Маркс. Вместе с тем он хорошо знал и повторял афоризм Гегеля: «Конечные результаты человеческой деятельности не совпадают с изначальными намерениями».

*Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно хлестнула
Грубою верёвкой кнута.*

(А. Блок)

Борис Моисеевич не дожил до этого времени.

Поколение профессорско-преподавательского персонала, к которому принадлежал Б. М. Бернадинер (с середины 1930-х и до конца 1950-х годов), искало себя (и формировало) в остро противоречивых обстоятельствах, периодически генерировавших личные драмы и трагедии. Жизненные горизонты то расширялись, то сужались, исторические перспективы то светлели, то мрачнели. Резко возрастали разнородные и диссонирующие нагрузки на психику человека. Мышление металось в поисках интеллектуальных методов (понятий, концепций, когнитивных интерпретаций) для объяснения про-

исходящего в мире и для определения жизненных позиций в движущихся социальных полях и способов поведения в многослойных коммуникативных процессах. Эти обстоятельства ставили нетривиальные проблемы перед философией и её адептами. Профессор Б. М. Бернадинер часто цитировал тринадцатый тезис К. Маркса о Людвиге Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его»¹⁸. Эта проблема оказалась самой трудной и конфликтной.

Ещё в начале 1930-х годов Борис Моисеевич, найдя в себе призвание философского просветителя, выбрал точку опоры своего мышления, мировоззрения, жизненных позиций и социальных ориентаций в диалектическом и историческом материализме. И никогда своих убеждений не менял, но и не догматизировал их.

М. Д. Карпачёв отмечает в своей обстоятельной монографии по истории ВГУ достоверный факт. На заседании учёного совета университета в 1958 году Б. М. Бернадинер предупреждал: «В прошлом году мы получили американский социологический журнал, его не следует давать студентам. Мы получаем из Швейцарии журнал “Диалектика”, его также нельзя давать студентам... Никаких иностранных журналов по философии студентам давать

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 4. Между прочим, у композитора С. Прокофьева есть оратория на этот тезис К. Маркса. Мне довелось её слушать, почти подпевая, в большом зале Московской консерватории осенью 1967 года по случаю 50-летия Октябрьской революции.

нельзя». – «Впрочем, – отмечает М. Д. Карпачёв, – мнение Б. М. Бернадинаера оспорили некоторые его коллеги... Например, профессор И. Н. Бороздин, напротив, считал, что надо не только выписывать зарубежную литературу, но и больше читать, в том числе и студентам»¹⁹. У этого архивно-документированного сюжета есть неархивная предыстория.

В середине 1950-х годов Воронежскому университету была выделена Минвузом и Минфином некая сумма в так называемых золотых рублях для закупки иностранной литературы, прежде всего научной периодики. Наибольшая часть её была представлена естественно-научным факультетам. По настоянию Б. М. Бернадинаера кафедре диалектического и исторического материализма были выделены 10 золотых рублей. Не знаю, как пересчитать их по нынешнему курсу. Борис Моисеевич, зная мою склонность отслеживать новинки научных изданий, попросил составить небольшой список возможных закупок философских журналов. Я сказал, что не ориентируюсь в иностранной научной литературе, сведения черпаю только из советских монографий и статей по критике буржуазной философии (их, кстати, было много). – «Вы справитесь с задачей. Выполняйте кафедральное задание. Вам, молодёжи, нужно знать, о чём и как пишут за рубежом по философии и социологии». Покопавшись в советской литературе, в которой критически цитировались западные авторы, я составил список. Борис Моисеевич согласился выписать социологический журнал США, швейцарский журнал «Диалектика» (в нём статьи, главным образом обзорные, публиковались на немецком, французском и английском языках) и монографию Т. Парсонса, кажется, «Система общества». Заказ оформили. Через некоторое время он был выполнен. Заказанные издания поступили в библиотеку ВГУ.

Скверно (и даже хуже) владея английским языком, я просматривал журналы по мере поступления и докладывал Борису Моисеевичу, что я смог в них уловить. Однажды в швейцарском журнале «Диалектика» в обзорной библиографической статье о Ж. Ж. Руссо обнаружил ссылку на монографию Б. М. Бернадинаера «Социально-политические взгляды Ж. Ж. Руссо», изданную в 1940 году в Воронеже. Отзыв о ней был очень хороший. Борис Моисеевич обрадовался, прочитал не только эту статью, но и ряд номеров журнала (он хорошо владел немецким языком). О двух-трёх статьях отозвался одобрительно. Американский журнал пролистал.

Заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма действительно опасался, что ненаучное знакомство студентов с иностранными философскими журналами (он говорил на учёном совете именно о философской литературе) может не в лучшую сторону повлиять на мировоззренческую подготовку студентов. Это – его педагогическая позиция заботы о здоровом формировании молодых людей как граждан СССР. С данной позицией можно спорить, но это не догматизм. Как показало последующее время, педагогическая обеспокоенность профессора Б. М. Бернадинаера имела основания. Кстати, моя последующая проверка показала, что выписанные за золотые рубли зарубежные журналы студенты, да и аспиранты (даже по моей рекомендации) почти не брали в библиотеке.

Студентам с конца 1940-х годов Борис Моисеевич читал только один лекционный курс «История философии». Диалектический и исторический материализм на всех факультетах вели другие преподаватели; некоторые из них не имели учёной степени. Никто другой вести курс «История философии» не мог. Этот курс когда-то входил в образовательную программу историко-филологического факультета. И был очень полезен для интеллектуальной подготовки специалистов в области филологии и исторической науки, для формирования их социально-философской компетенции в анализе социокультурных феноменов, истории минувших времён. В конце 1980-х годов «Историю философии» изъяли из учебного плана. Идеологи и прагматики рыночных демократических реформ уклоняются от философского осмысления прошлого и настоящего, экономики и духовной жизни, научный анализ заменяют идеологизацией в неолиберальной парадигме.

Лекции по истории философии Борис Моисеевич читал блестяще и увлекательно. Он был эрудитом в этой сфере, особенно немецкой классической философии (Шеллинг, Фихте, Кант, Гегель, Фейербах) и, конечно, марксистской. Он умел погружать молодых людей в драму философских исканий. И тем самым стремился научить нас размышлять над парадоксальными проблемами бытия и сознания. Сложность преподавания и изучения этого предмета заключалась не только в его содержании с его интеллектуальной напряжённостью, но и в том, что доступных студентам хороших учебников не было. В 1947 году был издан учебник Г. Ф. Александрова²⁰ «История западноевропейской философии». Но его не было в библиотеке ВГУ. Много позже,

¹⁹ М. Д. Карпачёв. Указ. соч. С. 447.

²⁰ Г. Ф. Александров учился в том же институте истории и философии, что и Б. М. Бернадинаер. В том же 1932 году и окончил.

уже в аспирантские времена, я с ним познакомился. Учебник был тощим и по объёму, и по содержанию. Никакого сравнения по обстоятельности изложения, по методическому оснащению и даже по стилю он не выдерживал с бернадинеровскими лекциями. Этот учебник был раскритикован в ходе философской дискуссии 1947 года, т. е. сразу после издания.

В манере чтения лекций у Бориса Моисеевича органично и выразительно сочетались талант учёного, мудрость философа, заботливость педагога, искусство оратора. К сожалению, эти таланты (каждый имеет свою специфику) очень редко встречаются в таком сочетании в практике преподавания. Педагогический эффект лекций Бориса Моисеевича усиливался ещё и тем, что у него был красивый, сочный, внушительный баритон. Голос был хорошо поставлен с привлекательной грассирующей фонетикой, дикция чёткая, темп речи умеренный. Фразы короткие. Никакой запутанности в сложноподчинённых предложениях, в причастных и деепричастных оборотах. Композиция каждой лекции стройная, с чётким выделением главных понятий излагаемой концепции и её истоков. Студенты не уставали и не дремали на его лекциях, записочками не перебрасывались.

Профессор раскрывал перед будущими филологами и историками, как через напряжённые философские поиски изменяется, возрастает человеческий интеллект, проникая в тайны бытия и самого человека. Тем самым на основе анализа достоинств и заблуждений тех или иных философских концепций он учил нас, молодёжь 1950-х годов, мыслить. Он не был в преподавании назидательно занудлив (увы, это бывает в учебном процессе). Он представал перед аудиторией размышляющим и приглашал к размышлениям. Борис Моисеевич доносил до нас, студентов, мощный поток интеллектуальной истории человечества (правда, только в европейской версии) с целью на этом опыте научить новое поколение интеллигенции (а ею мы хотели быть) философскому осмыслению современных реалий и будущих вероятностей.

Своеобразно профессор Б. М. Бернадинер руководил научной подготовкой аспирантов. По моим подсчётам, с 1949 по 1960 год (далее – уход на пенсию) у него их было 11. Из них большинство – выпускники историко-филологического факультета. Никаких специальных лекций он им не читал. Главное – самостоятельная систематическая проработка аспирантом философских проблем, педагогическая практика, подготовка к диссертации. По этим аспектам Борис Моисеевич был строг, требователен и, можно сказать, неумолимо педантичен. Регулярно,

раз в неделю (по четвергам с 14:00) проводились беседы с аспирантами (группой и с каждым отдельно). Научный руководитель внимательно вникал (не контролировал, а именно вникал) в самостоятельную работу каждого (иногда в группе было до 5 человек). Спрашивал, что читал, какую проблему проработал, какие возникали вопросы, трудности, к каким размышляющим выводам пришёл. Просил иногда по отчёту того или иного аспиранта высказаться коллег. Свои суждения высказывал и Борис Моисеевич. Но не как ментор, а как участник дискуссий. При этом часто советовал, над чем ещё подумать, поработать, какую литературу дополнительно использовать. Считал обязательным для аспиранта конспектировать прорабатываемые философские тексты, делая комментирующие записи. Профессор даже просматривал аспирантские конспекты. Дело не в профессорском педантизме. Борис Моисеевич методично приучал нас к осмысленной работе с текстами, к культуре системного научного труда. «Педантизм» профессора был вполне приемлем для аспирантов того времени.

В современных условиях аспиранты, да и студенты имеют неизмеримо более широкие возможности использовать разнообразные информационные ресурсы. Но научиться ими пользоваться – непростая проблема. Опасность захлебнуться в многообразии литературных источников или в омуте Интернета встаёт перед каждым ищущим свою тропу в науке. Научный руководитель – это прежде всего наставник аспиранта, соискателя по методологии и технологии научных исследований, профессиональной этике.

Вести научную работу в области обществоведения в послевоенное десятилетие в Воронеже было трудно. Особенно по проблемам философии, политической экономии. Некоторые проблемы вообще идеологически табуировались. Идеологическая война (она одновременно была и информационной) отрезала советских исследователей от зарубежных философских, социологических, политологических изысканий. Культивировалась только критика так называемых буржуазных концепций. Публикация результатов исследования, учебного пособия затруднялась издательскими проблемами. У московских коллег были благоприятные условия и издательские возможности. Многие воронежские учёные годами не могли ничего опубликовать. В Воронежском университете только раз в год выходил сборник трудов его учёных или по гуманитарным, или по естественным факультетам. Б. М. Бернадинеру удалось опубликовать статьи в 41, 52, 69-м томах этого издания. Ещё в начале 1950-х годов при обсуждении доклада

ректора Б. И. Михантьева о перспективах и задачах развития ВГУ профессор Б. М. Бернадинер поставил вопрос о необходимости создать своё книгоиздательство. Предложение нашло деятельный отклик нового ректора. В 1957 году было открыто книгоиздательство ВГУ. Однако что-либо издать в нём Борису Моисеевичу уже не удалось.

Во второй половине 1950-х годов, кроме упомянутых трёх статей в сборниках «Труды Воронежского университета», Борис Моисеевич опубликовал статью в журнале «Вопросы философии» (1958, № 2) о понятии общественного прогресса, философско-этическую брошюру для молодёжи «Что такое счастье».

После защиты докторской диссертации Б. М. Бернадинер не оставлял проблематику о роли народных масс в истории. Он, по-видимому, считал, что не исчерпал ни себя, ни эту тему в диссертации. Она его волновала; для него и как философа, и как участника Великой Отечественной войны имела глубинный научный и нравственный смысл. Для него было несомненно: СССР как страну и государство спас от немецко-фашистского нашествия народ. Знал, какие жертвы были принесены народом за свободу и независимость. Знал, какие горькие потери народ понёс и из-за просчётов военного руководства. Знал, что победа советского народа возродила для европейских стран возможность демократического развития. Знал, что европейская предвоенная политическая элита, да и часть интеллигенции предали свои народы. Знал о репрессиях в СССР. Но не знал их массовых масштабов и полной правды (её, по-моему, и сегодня нет); возможно, воспринимал их как результат политических и идеологических конфликтов (антагонизм), без которых не проходят сколько-либо исторически значимые перемены общественных систем. Может быть, так... Но вряд ли только так. Борис Моисеевич человек осторожный, не высказывал своих философских размышлений и переживаний. Знал он и другое: значение веры народных масс в Сталина, да и в социализм для победы над фашизмом, победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Проблема роли народа в общественном развитии, над которой профессор Б. М. Бернадинер работал до конца своей жизни, не может быть философски полноценно и исторически достоверно раскрыта без выяснения роли государственной власти, политической системы, взаимоотношений их с различными социальными слоями общества и народа с ними. Но этот аспект оказался в 1950-х годах вне поля философских исследований, идеологизи-

ровался тезисом о руководящей и направляющей роли КПСС.

Б. М. Бернадинер не мог – вольно или невольно – избежать бытовавших в его время идеологических установок в трактовке роли народных масс в социалистическом обществе. Идеологизованность отразилась и в опубликованных во второй половине 1950-х годов статьях. Последней по этой тематике была статья «Критика современной буржуазной социологии, отрицающей творческую роль народных масс в истории» (опубликована в 1958 году в 69-м томе «Трудов Воронежского университета»). Мне довелось держать корректуру её по просьбе Бориса Моисеевича (он был болен, находился в больнице). В статье идеологические установки доминировали; сказывалось и влияние вторичных информационных источников. Борис Моисеевич с некоторыми моими предложениями согласился. Было бы некорректно упрекать его в некоторых упрощениях трактовок идей западных философов и социологов. Он жил и размышлял в исторически конкретных идеолого-политических и научно-информационных обстоятельствах. И по меркам того времени достойно философски и практически защищал советский народ от нападков извне.

Борис Моисеевич не замыкался в научной и философской проблематике. Его интересы и кругозор удивляли своей широтой и осведомлённостью. Он глубоко вникал в художественную литературу, особенно в русскую классику. Очень любил театр и одно время был членом художественного совета Воронежского драмтеатра. Его часто можно было увидеть в зале филармонии на концертах классической музыки. Посещал художественные выставки воронежских живописцев. В обыденном общении был несколько замкнут. Даже намеренно не имел домашний телефон, чтобы его не тревожили звонками. Но со всеми, особенно с коллегами, был неизменно корректным, внимательным. Никогда ни к кому не относился инструментально. Не генерировал никаких конфликтов. Не позиционировал себя перед любым высоким начальством. Почётных званий не искал, хотя заслуживал.

Избрав свой жизненный путь, профессиональное призвание, гражданскую позицию, Борис (Бер) Моисеевич Бернадинер отстаивал и защищал социальные идеи марксизма-ленинизма, философии диалектического и исторического материализма. Он считал их адекватными требованиями исторического процесса и принципам науки, чаяниям народа. Неадекватность многих жизненных реалий этим идеям считались им частными случаями, временны-

ми явлениями, не выделялись в его публичных суждениях. О чём он думал наедине с самим собой – осталось его сокровенной тайной, которой мы не вправе касаться.

Профессор Борис Моисеевич длительное время болел. Страдал головными болями, мучила гипертония. У него, как выяснилось, развивалась опухоль головного мозга. Доброкачественная, как определили медики. Но в то время они с ней не смогли справиться, хотя делали всё возможное и даже за пределами. Борис Моисеевич Бернадинер умер 9 сентября 1964 года.

Профессор Б. М. Бернадинер, читая студентам лекции по истории философии (во всяком случае, моему поколению), рассказывал, что после капитуляции фашистской Германии, будучи ещё референтом Советской военной администрации, побывал в Кёнигсберге (теперь Калининград) и посетил могилу И. Канта, повреждённую во время артобстрела. Кстати, об И. Канте он читал лекцию с каким-то особым упоением и тем, между прочим, навсегда привил мне некое пристрастие к гению классической немецкой философии. Борис Моисеевич долго стоял у могилы. На плите был начертан знаменитый афоризм Канта: «Звёздное небо – надо мною, нравственный закон во мне». Майор Бернадинер, будущий профессор философии, размышлял о категорическом императиве, главном понятии этики и, добавлю, политической философии И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»²¹.

Менялись исторические и житейские обстоятельства, смыслы и приоритеты жизнедеятельности, институты и персоны власти, круги профессионального и бытового общения, развёртывались различные события, что-то падало, что-то возвышалось.

Могила профессора Б. М. Бернадинера на Коминтерновском кладбище города Воронежа

Но Борис (Бер) Моисеевич Бернадинер неизменно следовал своему категорическому императиву в кантовском понимании его. И в этом – его главное философское достоинство и этическое наследие, которое он оставил сотрудникам и студентам Воронежского университета. Да будем помнить!

²¹ Кант. И. Соч. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 270.